СОДЕРЖАНИЕ

Сокращения . . . 7

Введение. Контекст Конгресса . . . 8
«Военная тревога» и закат нэпа . . . 10
Коминтерновский трек и рабочие делегации . . . 15
Незаслуженное забвение . . . 24

Глава 1. Исходный импульс — Мюнценберг . . . 31
Оформление идеи . . . 33
Три конгресса? . . . 41
Обсуждения и осуждения . . . 47

Глава 2. Жернова бюрократии . . . 52
Объединенная Комиссия . . . 54
Последние приготовления . . . 59
Окончательный сценарий . . . 66

Глава 3. Отбор делегатов . . . 73
Поиск друзей . . . 74
Критерии отбора — два кейса . . . 82
Профсоюзная специфика . . . 91

Глава 4. Прибытие в Россию . . . 96
Граница нового мира . . . 99
Ритуал братской встречи . . . 103
«Республика пчел трудовых» . . . 110
Тюремный роман . . . 113
Пропагандистский аккомпанемент . . . 116

Глава 5. Октябрьские дни . . . 123
Первые торжества . . . 124
Встречи с первыми лицами . . . 128
Ноябрьская демонстрация и потасовки . . . 136

Глава 6. Против течения . . . 145
Теория и практика «социализма в одной стране» . . . 145
Последняя схватка . . . 152

Глава 7. Ход Конгресса . . . 158
Антураж открытия . . . 158
Ключевые доклады . . . 163
Угроза новой войны . . . 169
Награждения и резолюции . . . 175

Глава 8. Итоги — мнение хозяев . . . 182
Сводный отчет . . . 184
Мнение «руководов» . . . 191
Финансовый аспект . . . 197

Глава 9. Делегации после Конгресса . . . 201
Кейс эсперанто . . . 203
Стереотипы и личный опыт . . . 206
Пропаганда в действии: пример Коломера . . . 214

Глава 10. «Индивидуалы» и травелоги . . . 218
Финальные встречи и расставания . . . 220
Впечатления за стенами Конгресса . . . 226
Поиск информации и точки интереса . . . 231
Взгляд в будущее: СССР или США? . . . 236
Секс и гендер . . . 244

Глава 11. Эхо Конгресса: итоги и перспективы . . . 251
Стратегия дальнейших действий . . . 253
Формализация «друзей» . . . 258
Культурное наследие . . . 266

Заключение . . . 271

Документальное приложение . . . 288

Библиография . . . 317

Указатель имен . . . 321

СОКРАЩЕНИЯ

Агитпроп — отдел пропаганды и агитации ИККИ

ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с зарубежными странами

ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала

КВС ВЦСПС — Комиссия внешних сношений Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов

КИМ — Коммунистический интернационал молодежи

Крестинтерн — Крестьянский интернационал

КСИ, Спортинтерн — Красный спортивный интернационал

КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока

Межрабпом — Международная рабочая помощь

МОПР — Международная организация помощи революционерам

Профинтерн — Красный интернационал профсоюзов

ПСС — Полное собрание сочинений

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РСИ — Рабочий социалистический интернационал

Центросоюз — Всероссийский центральный союз потребительских обществ

Введение

КОНТЕКСТ КОНГРЕССА

Название этой книги подсказал Карл Радек. 27 июля 1920 года в Москве на Красной площади состоялись военный парад и грандиозная демонстрация, продолжавшиеся весь день. Москвичи таким образом приветствовали делегатов Второго конгресса Коминтерна, которые олицетворяли собой все прогрессивное человечество. В статье, посвященной этому событию, Радек сделал акцент на уникальной политической воле большевиков, которые за пару лет превратили сонную и хаотичную Россию прошлого в «организованную массу, спаянную железной дисциплиной»[1].

Прошло еще семь лет, и восторг, с которым трудящиеся столичных предприятий приветствовали почетных гостей на трибунах у Кремлевской стены, потерял блеск и новизну, превратился в стойкий ритуал, уже не вызывавший особого эмоционального подъема. Новая Россия, так и не ставшая светочем всемирной революции пролетариата, искала новые пути возвращения в международную повестку дня. Десятилетний юбилей прихода к власти дал большевикам новый шанс «поговорить о главном», соединив организованный восторг внутри страны и мобилизацию своих сторонников за ее пределами. Если описывать события языком тех лет, то сразу же после торжественных мероприятий, посвященных Великому Октябрю, в Москве состоялся Всемирный конгресс друзей СССР, на который собралось около тысячи делегатов из более чем сорока стран мира. Новым был не столько формат (одних конгрессов Коминтерна прошло уже пять, и некоторые из них продолжались около месяца), сколько масштаб этого события.

---

[1] *Радек К.* Организованная масса // Вестник Второго конгресса Коминтерна. 1920. 29 июля. № 2.

К вечеру 10 ноября 1927 года Колонный зал Дома союзов заполнили иностранцы, для подавляющего большинства которых путешествие в новую Россию было «ездой в незнаемое». В отличие от конгрессов Коминтерна, в которых участвовали только правоверные ученики и последователи Российской революции, спектр гостей был гораздо более широким. Сам процесс отбора «друзей» доставил немало головной боли организаторам Конгресса (будем писать его с большой буквы). Наряду с традиционными рабочими делегациями, которые составили примерно половину участников, приглашены были все, кто так или иначе выражал симпатии или просто сотрудничал с Советами: безбожники, эсперантисты, спортсмены, кооператоры и даже кукольники. Почетное место и на трибунах торжественных мероприятий, и в репортажах советской прессы занимали писатели и деятели искусства — интеллектуальные попутчики Советской России, прибывшие в качестве «индивидуалов», как они именовались в деловой переписке организаторов Конгресса.

Гостям обещали показать не только пролетарскую Мекку, но и всю страну строящегося социализма. Естественно, организаторы торжеств брали на себя все расходы и не без основания рассчитывали на то, что тщательно отобранные гости оправдают их ожидания. В последующие три десятилетия столь широкого международного мероприятия в СССР больше не было. Со второй половины 1950-х годов Москва постепенно оттаивала, возвращая себе славу радушной столицы. Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Олимпиада 1980 года и многие другие «форумы мировой общественности», как называла их советская пресса, использовали все те же «технологии гостеприимства»[1], имевшие несомненные параллели с предметом настоящего исследования. Тем более удивительно то, что Конгресс друзей СССР достаточно быстро и незаметно ушел из официальной исторической памяти. Он не попал в школьные учебники, о нем изредка вспоминали лишь к юбилеям Октября. Сухие и краткие

[1] За рубежом существует достаточно большая историографическая традиция, посвященная этому феномену. См., например: *Холландер П.* Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов в СССР, Китай и Кубу 1928–1978. СПб., 2001; *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015.

заметки, авторы которых довольствовались пересказом официальных отчетов, вряд ли привлекали внимание читателя[1].

Авторская гипотеза, пытающаяся объяснить данный парадокс, заключается в следующем: Конгресс состоялся на переломе эпох, его участники увидели и гримасы нэпманской культуры («День твой последний приходит, буржуй»), и демонстрацию сторонников Троцкого, пытавшихся прорваться на Красную площадь, и реальную открытость будущего революционной диктатуры. Важную роль сыграло то, что его подготовка и проведение были отданы на откуп лидерам будущего «правого уклона» — на его заседаниях в качестве посланцев партии и государства выступили А. И. Рыков, Н. И. Бухарин и М. П. Томский. Пройдет всего несколько недель, и в Политбюро начнутся их первые стычки с фракцией большинства по вопросу высылки Троцкого, хода хлебозаготовок и перспектив Китайской революции.

Главный оппонент «правых» И. В. Сталин проигнорировал и сам Конгресс, и его международное эхо, лишь однажды помянув его в своей речи на Пятнадцатом съезде ВКП(б) среди событий, «которые с несомненностью говорят о том, что Европа вступает в новую полосу революционного подъема»[2]. А ведь еще два года назад все было совершенно иначе — «тяга» мирового пролетариата к СССР выступала у него важным противовесом обвинениям зиновьевской оппозиции, будто идея «построения социализма в одной стране» перечеркивает принципы марксизма-ленинизма. Подобный поворот имел как внешние, так и внутренние причины.

«Военная тревога» и закат нэпа

Важной составной частью советской системы являлся культ бдительности и секретности, берущий начало еще в дореволюционной истории большевизма. Призыв к проведению Конгресса, прозвучавший всего за две недели до его начала, полностью подтверждает апокриф, приписываемый Марксу: «Тайна — главное

---

[1] См. типичный пример юбилейной публицистики: *Клецкий Л.* Целую землю свободы… Первый Всемирный конгресс друзей СССР // Нева. 1967. № 10. С. 157–160.

[2] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 284.

оружие бюрократа». Работа по его подготовке подспудно велась в московских ведомствах на протяжении полугода, пока всемогущее Политбюро не решило, что «инициатива созыва этого конгресса должна принадлежать иностранцам, в первую очередь делегациям, выбираемым на фабриках и заводах»[1]. Конкретный «инициатор» был найден на пересечении идеологии высшего уровня и соображений тактического порядка. После разрыва дипломатических отношений между СССР и Великобританией весной 1927 года эта роль была доверена английским рабочим, когда-то породившим движение «руки прочь от Советской России».

Причины очередного советско-английского конфликта, который получил в научной литературе название «военная тревога», на сегодняшний день исследованы почти досконально[2]. Речь идет о советском противодействии попыткам О. Чемберлена распространить на Восточную Европу Локарнские договоренности, а также о растущей тревоге Лондона по поводу военной помощи Китайской революции со стороны СССР. Апогеем конфронтации стал обыск в советском торгпредстве и находившемся там офисе фирмы АРКОС, занимавшейся торговлей с СССР, который советская пресса (а затем и историография) называла «налетом». В здании были найдены документы Коминтерна, что спровоцировало волну взаимных протестов и в конечном счете — разрыв дипломатических отношений. Вслед за ним лидеры тред-юнионов прекратили участие в Англо-русском комитете профсоюзного единства, который уже с конца 1926 года дышал на ладан.

Общепризнанным фактом является и то, что «военная тревога» была использована для «подмораживания» внутриполитической обстановки в стране. «Однако такого рода кампании не являлись просто манипуляцией массовым сознанием. Большевистское руководство, включая Сталина, отчетливо осознавало себя находящимся во враждебном окружении и внутри страны,

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М., 2004. С. 488.

[2] *Сергеев Е. Ю.* Обманчивый рассвет. Советский Союз и Великобритания 1925–1932. М., 2024. С. 123–187.

и особенно на международной арене»[1]. Сторонники хотя бы временной нормализации отношений СССР с европейскими державами (позже это будет трактоваться как «соглашательство»), все еще присутствовавшие в большевистском руководстве, были дискредитированы и постепенно ушли в тень.

Мы до сих пор живем упрощенными представлениями о нэпе как о некоем безвременье, или внутриполитической «передышке», — если считать внешнеполитической «брестский период», сохраняя телеологию ортодоксального марксизма. Не вдаваясь в набившую оскомину дискуссию о том, куда шла Россия «от Ленина — к Сталину или Троцкому»[2], отметим, что механически выводить сталинский режим из противоречий нэпа — слишком простое решение. И то, что Конгресс друзей совпал и с концом внутрипартийных баталий, и с «великим переломом» первого сталинского съезда (пятнадцатого по счету), заставляет внимательнее приглядеться к этому событию, его ритуальной стереотипности и идейному тупику на фоне еще мерцавшего в стране культурного заката.

Согласимся с Михаилом Гефтером в очевидном: «Если смотреть на двадцатые годы не только через Соловки, видно, что большинство людей, почти все, приняли совершенное революцией за данность и были лояльны по отношению к ней… В верхних эшелонах политики утверждалась монополия одной идеологии и слоя ее носителей, а внизу царил человеческий плюрализм», свидетельством чему была в том числе и «множественность творческой жизни»[3]. От внимательных наблюдателей не укрылось «развивавшееся отступление от нэпа» — частная торговля замирала, крестьяне выражали недовольство низким качеством и ассортиментом товаров в государственных магазинах. «Часть партийной и комсомольской интеллигенции выдвигала

---

[1] *Сорокин А. К.* История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. Кн. 1. М., 2023. С. 444.

[2] «Сталин и Троцкий — это фактически две половинки Ленина. Один остался в роли архитектора системы, другой был отброшен ходом вещей как ненужная рефлексия в период мобилизации всех сил» (*Павлюченков С. А.* Опора на собственные силы или кредит мировой революции? // Россия нэповская. М., 2002. С. 316).

[3] *Гефтер М.* Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М., 2015. С. 202.

требование о необходимости предоставить крестьянству возможность создать самостоятельную политическую организацию», т. е. создать вторую партию[1].

Культуролог Джулия Микенберг, написавшая прекрасную книгу о паломничестве американок в СССР, справедливо считает последние годы нэпа эпохой, когда «в стране сложился более благоприятный культурный климат. Возникла утопическая атмосфера, ставились разнообразные художественные эксперименты, и для поездки в Россию это было самое интересное время»[2]. Те, кто приехал в СССР на закате нэпа, чтобы детально познакомиться со страной и ее людьми, приехал не только учиться, но и учить. Их предшественники — пилигримы первой волны с партбилетом или без него — безропотно внимали Ленину и Троцкому, а затем в своих травелогах детально описывали ростки новой жизни[3]. Прибывшие в СССР в годы первой пятилетки были либо простыми клиентами «Интуриста», впитывавшими экзотику во всех ее проявлениях, либо техническими специалистами, завербованными для передачи новейших технологий, чтобы страна могла «догнать и перегнать» ведущие западные державы[4].

Тот же, кто приехал на Конгресс друзей в ноябре 1927 года и остался в России, пытался реализовать прежде всего собственные культурные проекты — будь то Диего Ривера, взявшийся за интерьер Дома Красной армии, или Анна-Луиза Стронг, основавшая в начале 1930-х годов англоязычную газету Moscow News. Даже если эти начинания не завершались успехом, побывавшие в России и вернувшиеся на родину приобретали такой запас живых впечатлений, что их травелоги неизменно становились бестселлерами. Важно отметить, что после тихой кончины

---

[1] *Беседовский Г. З.* На путях к термидору. М., 1997. С. 253–259.

[2] *Микенберг Дж. Л.* Американки в Красной России. В погоне за советской мечтой. М., 2023. С. 19. В книге детально разбираются мотивы, которые привели американских журналисток и феминисток в «красный Иерусалим» межвоенной эпохи.

[3] Классическим примером является книга Г. Уэллса «Россия во мгле».

[4] Весьма фундированная работа по данному периоду написана немецким историком М. Хееке: *Heeke M.* Reisen zu den Sowjets: Der ausländische Tourismus in Russland 1921–1941. Münster, 2003.

нэпа ручеек творческих «индивидуалов», на свой страх и риск посещавших СССР (мы не принимаем во внимание организованных туристов), стал быстро засыхать, что является еще одним аргументом в пользу того, чтобы рассматривать Конгресс как событие, вобравшее в себя символику смены двух эпох советской истории.

Мы далеки от того, чтобы идеализировать годы нэпа. Официозная вера в светлое будущее на его закате не компенсировала нараставшей нервозности в отношении настоящего. В стране росло число самоубийств, причем показатели среди большевистской элиты на порядок опережали среднестатистические. В моду вошло слово «приспособленчество», которое громили певцы эпохи вроде В. В. Маяковского. Однако в его основе лежало не только желание наладить сносный быт и продвинуться по карьерной лестнице, но и реакция на импульсы, шедшие извне. Историки справедливо говорят о «тумане безвременья», окутавшем прежде всего сферу культуры. «За идейно-эстетическим изобилием нэпа таился социально-исторический испуг… В обстановке тех лет всякое слово „сверху“ трактовалось в свою пользу». Раз уж «писатели испытывали неосознанную тоску если не по „направляющей“ руке, то по ясному идеалу»[1], то что говорить о советском чиновничестве, которое уже не могло прикрыться ни дореволюционным партстажем, ни пламенными речами. Борьба за выживание, которую демонстрировала партийная верхушка, не столько эхом, сколько кругами по воде расходилась по нижним этажам партийно-государственного аппарата.

К десятилетней годовщине Октября он распрощался со скачками и зигзагами революционной эпохи, хотя и не приобрел еще того бюрократического окостенения, которое будет характеризовать сталинскую эпоху. Пространство маневра в условиях очередного обострения внутрипартийной борьбы было сведено к минимуму, но эпоха нэпа заставляла чиновников и «общественников» всех мастей руководствоваться глубоко усвоенным принципом: любой ценой обеспечить максимальный результат при минимуме затраченных ресурсов. Важным

[1] *Булдаков В. П.* Культурные парадоксы постреволюционного времени // Россия нэповская. С. 247.

средством достижения этого результата была система обширной и запутанной отчетности, которая и легла в основу источниковой базы настоящей книги.

Отметим, что обширный поток документации по итогам Конгресса, порожденный официальными лицами от простого гида-переводчика до секретарей ЦК ВКП(б), являл собой ту самую «двойную бухгалтерию», которая будет сопровождать советскую историю на протяжении последующих десятилетий. Бумаготворчество было обоюдоострым оружием — один и тот же отчет мог стать и карьерным лифтом, и волчьим билетом. Не выделяя анализ источников в особый раздел, ограничимся утверждением, что двойное дно советского делопроизводства до сих пор остается для большинства историков тайной за семью печатями.

Коминтерновский трек и рабочие делегации

С международной пролетарской солидарностью во второй половине 1920-х годов дело обстояло гораздо менее благополучно, чем в 1919 году, когда по инициативе Ленина был создан Третий (Коммунистический) интернационал, провозгласивший себя «генеральным штабом мировой революции», которая мыслилась его отцами-основателями как мультипликация большевистского шаблона во всемирном масштабе[1]. За прошедшие годы он так и не приблизился к поставленным целям, его Исполком и примыкавшие к нему общественно-политические организации, так и оставшиеся в Москве, превратились в бюрократические учреждения, творившие пламенные резолюции и рассылавшие по всему миру своих эмиссаров.

Борьба за массовую базу коммунистического движения, развернутая после провозглашения тактики «единого рабочего фронта» в конце 1921 года, не дала сколько-нибудь значимых результатов. В период «просперити» трудящиеся вполне доверяли своим социал-демократическим вождям, контролировавшим профсоюзы. Как справедливо заметил Э. Карр, «рабочие в западных странах больше не были революционными рабочими;

[1] См.: *Ватлин А. Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2019.

они боролись за то, чтобы улучшить свое положение внутри капиталистической системы, а не за то, чтобы сломать ее»[1]. Политика «мелких шагов», интеграции в существующую политическую систему действительно приносила пусть медленные, но ощутимые успехи. На теоретическом фронте новации таких идеологов демократического социализма, как Карл Каутский и Отто Бауэр, выглядели гораздо привлекательнее наскучившего догматизма коммунистической прессы.

Она звала в «последний и решительный бой», но попытки организации Коминтерном «пролетарских восстаний» в Германии и других странах Центральной Европы неизменно проваливались. Ответственность за это в Москве возложили на социалистов той или иной страны. Их именовали социал-предателями и даже социал-фашистами, отказываясь в том числе от частных и тактических (на парламентских выборах) союзов с ними. Раскол рабочего движения Европы приобрел характер устоявшегося противостояния, в котором ни одна из сторон не была готова идти на уступки.

При этом независимым наблюдателям было совершенно очевидно, что именно социал-демократические партии, включая английских лейбористов и французских социалистов, являлись единственной политической силой (за исключением самих коммунистов), которая выступала за нормализацию отношений с СССР. Их пацифистский потенциал, который основывался на опыте Первой мировой войны, гарантировал, что они не проголосуют за военные кредиты, если речь пойдет об агрессии против Советского Союза. Демонстративное игнорирование массовых рабочих партий Коминтерном, получившее позже название тактики «класс против класса» и подразумевавшее отказ от выдвижения совместных кандидатов на парламентских выборах, явно не способствовало «разрядке» в международном рабочем движении.

Парадоксально, но именно Бухарин стал инициатором поворота коммунистов к очередному приступу сектантства, который пришелся все на тот же 1927 год. Его левым радикализмом, хлесткой публицистикой и детской прямотой восхищались

---

[1] Цит. по: *Голубев А. В.* Интеллигенция Запада и советская культурная дипломатия в межвоенный период // Россия XXI. 1997. № 1–2. С. 126.

зарубежные соратники большевиков еще до захвата власти последними. Клара Цеткин называла Бухарина «Гаврошем революции». К началу 1927 года у него появилось «окно возможностей», властный потенциал и свобода для теоретических изысканий и политических новаций. К их числу относилось и новое толкование тактики «единого рабочего фронта». Теперь этот фронт следовало ковать только «снизу», и его содержательным стержнем становилась защита Советского Союза от империалистической агрессии. Конгресс друзей СССР должен был стать одним из инструментов такой модификации, и его поддержка Бухариным не вызывает сомнений. Однако одна новация буквально «съела» другую, и левый поворот Коминтерна открыл полосу самых бесполезных лет в истории этой международной организации.

Логике братоубийственного конфликта в европейском социалистическом движении следовала и внутрипартийная борьба в ВКП(б), развернувшаяся после смерти Ленина и достигшая апогея к 1926 году, когда сформировалась «объединенная оппозиция» во главе с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Коминтерн и каждая из его национальных секций были вынужденно вовлечены в этот процесс, что привело к расколам уже внутри отдельных компартий. Их политические противники справа и слева не без оснований указывали на то, что коммунисты погрязли в бесплодных склоках и повседневные интересы реально существующих рабочих им совершенно неинтересны. В то время как оппозиционеры громили «оппортунистическое перерождение» Коминтерна (пикантная деталь заключалась в том, что председателем его Исполкома на протяжении первых семи лет оставался тот же Зиновьев), его новые лидеры отдавали себе отчет в том, что необходимо искать новые пути привлечения на свою сторону европейских рабочих.

На Седьмом пленуме ИККИ в конце 1926 года финн Отто Куусинен, выступивший с докладом о ближайших задачах компартий, в духе черной поэтики описал текущую ситуацию: «Бывают времена, когда массы бесстрашно заявляют себя сторонником революционной партии, времена, когда возникает бурный спрос на коммунизм. Это — периоды острой революционной ситуации. В некоторых странах существует обычай собираться толпой в вечер свадьбы возле дома невесты и вызывать ее

на балкон. Но свадьба бывает не каждый день»[1]. В условиях ее (революции) отсутствия следует обратить особое внимание на «несознательных сторонников коммунизма», таких как рабочие, готовые защищать СССР, но не готовые подчиниться жесткой дисциплине коминтерновских секций.

Куусинен раскритиковал сектантство коммунистов, которые отказываются от участия в работе общественных организаций, если не имеют в них абсолютного большинства. «Наши неопытные товарищи зачастую побаиваются чрезмерно самостоятельного левого движения, внешне беспартийной работы и пр. Они побаиваются своего рода конкуренции и усматривают в такой работе опасный оппортунизм, с которым надлежит яростно бороться»[2]. Оставим в стороне вопрос о том, что на заре Коминтерна именно «большевистская твердость» по отношению и к соперникам, и к союзникам рассматривалась как главное качество коммуниста. В качестве позитивного примера вовлечения в политику беспартийных рабочих упоминалась деятельность Международной рабочей помощи (Межрабпома), сумевшей вовлечь в свою орбиту значительное число беспартийных трудящихся. Германские социал-демократы были вынуждены основать благотворительное общество, конкурирующее с Межрабпомом, завершил свою мысль Куусинен, не забыв добавить для перестраховки, что и у последнего бывают ошибки и даже «оппортунистические уклоны».

Одним из удачных примеров обеспечения массовой поддержки извне стали поездки в СССР делегаций зарубежных рабочих, традиция которых сложилась еще в начале 1920-х годов. Находясь под впечатлением антивоенной кампании английских докеров во время советско-польской войны, Ленин в своем выступлении 2 октября 1920 года особо подчеркнул, что «как только международная буржуазия замахивается на нас, ее руку схватывают ее собственные рабочие»[3]. Вождь большевиков

---

[1] Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г.: Стенографический отчет: В 2 т. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 119.

[2] Там же. С. 124.

[3] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений (далее — ПСС). Т. 41. М., 1981. С. 329.

неоднократно повторял свою мысль о необходимости привлекать в Россию как можно больше иностранных трудящихся, чтобы разоблачить ложь буржуазной прессы о реальном положении дел в стране пролетарской диктатуры. Этот тезис стал одним из ключевых нарративов ранней советской пропаганды, рисовавшей буквально лубочные картинки волшебного прозрения. «Ленин знал, что если Советской земли коснется трудовой пролетарий и крестьянин Запада, то, как бы ни были опутаны они ложью и клеветой, как бы ни были засорены их мозги измышлениями желтых социал-демократических вождей, — пролетарское чутье подскажет рабочим, что в Советской России творится величайшее в мире дело строительства социализма»[1].

Весной 1920 года, накануне Второго конгресса Коминтерна, поездку по России совершили делегации итальянских социалистов и английских лейбористов[2]. На их «прозрение» возлагались большие надежды, для работавших с ними функционеров были разработаны детальные инструкции. Хотя гости так и не стали катализатором раскола в собственных партиях, опыт был сочтен имеющим положительное значение. Однако конфликт двух течений в социалистическом рабочем движении приобрел настолько острый характер, что о визитах ведущих западных социалистов можно было и не мечтать. Пожалуй, единственным исключением стал их приезд как защитников на суд против лидеров партии правых эсеров, состоявшийся летом 1922 года. Лишь два года спустя внимание было переключено на «низы», и в ноябре 1924 года в СССР прибыла первая делегация английских рабочих, за которыми последовали немецкие пролетарии[3].

---

[1] *Ржанов Г. А.* За правдой о Советской России. Зачем приезжают к нам иностранные рабочие делегации. М.; Л., 1927. С. 3.

[2] Вопреки утверждениям советской пропаганды, Россию посетили не простые рабочие, а лидеры английских тред-юнионов и Лейбористской партии (см.: Делегация британских рабочих в красном Петрограде. Пг., 1920).

[3] Триггером для приезда делегации послужило опубликованное в немецкой прессе анонимное письмо группы путиловских рабочих, в котором те жаловались на тяжелые условия труда, непомерную эксплуатацию и низкий уровень жизни. Кроме того, в письме утверждалось, что «в течение нескольких лет наше сознание, наша душа подавляется бессовестной официальной печатью советских властителей, она отравляется. Мы задыхаемся в атмосфере этой печати» (Vorwärts. 8. Januar 1925).

Сталин буквально ухватился за эту ниточку, вплетя ее в аргументацию о растущем внимании зарубежных трудящихся к достижениям страны строящегося социализма вопреки всем прелестям эпохи «просперити» у себя на родине. Сталин писал в марте 1925 года:

> Тот факт, что десятки и сотни рабочих, без различия направлений, приезжают из Европы в Россию и щупают каждый уголок, — этот факт с несомненностью говорит о том, что интерес к России будет расти среди рабочих Запада с каждым месяцем. Несомненно, что это паломничество в Россию будет возрастать… Вот почему уже одно существование Советского государства представляет для империализма смертельную опасность[1].

Советская историография уделяла рабочим делегациям большое внимание, делая акцент на том, что побывавшие в СССР не обязательно становились коммунистами, но по возвращении пропагандировали его социальные и политические достижения, брали на себя обязательства по ее защите[2].

О том, что такая работа оказывалась достаточно эффективной, свидетельствует напечатанная на папиросной бумаге брошюра австрийского социалиста Ф. Адлера, посвященная критическому разбору официального отчета английской рабочей делегации. Она была издана эмигрантским правлением РСДРП (меньшевиков) в Берлине и предназначалась для нелегального распространения в СССР[3]. В свою очередь, в Союзе тиражировалась литература, превозносившая почти библейское прозрение иностранных рабочих, под влиянием «света Октября» освободившихся

---

[1] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 7. М., 1952. С. 55.

[2] См., например: *Макаренко А. А.* Мировой пролетариат — Стране Советов. Движение зарубежного рабочего класса в защиту и помощь Советской стране. Киев; Одесса, 1963; *Лукьянов К. Т.* Немецкие рабочие делегации в СССР (1925–1932 гг.) // Ежегодник германской истории 1974. М., 1975. С. 113–137.

[3] В вводной статье один из лидеров этой партии Ф. Дан так объяснил перевод брошюры на русский язык: «Мы постараемся, чтобы русские рабочие и крестьяне узнали, какими вздорными и нечестными россказнями на их счет соблазняют большевики заграничных пролетариев» (*Адлер Ф.* Об отчете английской делегации. Берлин, 1925. С. 8).

от влияния социал-реформистов[1]. Тезис о том, что поддержка зарубежного рабочего класса позволит Советскому Союзу построить социализм и в окружении империалистических держав, играл важную роль в дискуссии с оппозицией. В данном случае деньги, потраченные на прием иностранных рабочих, окупились сторицей. Отвечая оппонентам, Сталин развернул целую теорию революционных пилигримов, которые мечтают попасть на землю обетованную: «Вы знаете, что значит для европейского рабочего или революционера угнетенных стран побывать у нас, как они паломничают к нам и какая существует тяга всего честного и революционного во всем мире в нашу страну»[2].

Визиты иностранных рабочих (к концу 1925 года их число перевалило за 550) превратились в утвердившийся ритуал, на какое-то время заменив собой угасшее притяжение Коминтерна. В мире существуют два полюса притяжения: англосаксонский и советский, утверждалось в отчетном докладе ЦК ВКП(б) Четырнадцатому съезду партии. Они соответствуют двум классам, ведущим борьбу в мировом масштабе. «Революционная часть рабочего класса Европы считает наше государство своим детищем, рабочий класс посылает свои делегации в нашу страну не для любопытства, а для того, чтобы посмотреть, как у нас и что делается, ибо они, видимо, считают себя морально ответственными за все, что мы здесь строим». Поэтому все руководители наших государственных органов неизменно отчитываются о своей работе перед братьями по классу. В докладе Сталин перечислил около десятка фамилий, начиная с Дзержинского — «все они отчитывались перед рабочими делегациями, как перед высшей контрольной властью»[3].

То внимание, которое было уделено визитам рабочих в СССР в выступлениях Сталина, не было случайным экспромтом — о том же самом и практически теми же словами он говорил на Седьмом пленуме ИККИ год спустя, заканчивая заочную дискуссию с оппозицией о возможности построения социализма в одной стране. Троцкий и Каменев утверждали, что новый

---

[1] *Лозовский А.* Почему делегации иностранных рабочих едут в СССР. М.; Л., 1926.

[2] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 7. С. 282.

[3] Там же. С. 283.

курс означает сползание партии большевиков на рельсы «национал-реформизма», отказ от принципов международной солидарности. Практика посещений рабочими делегациями СССР дала Сталину шанс развернуть противоположные аргументы:

> Когда пролетарии капиталистических стран присылают к нам целый ряд делегаций, контролируют наше строительство и потом разносят молву об успехах нашего строительства по всей рабочей Европе, — то это есть помощь пролетариям СССР, это есть величайшая поддержка пролетариям СССР, это есть союз с пролетариями СССР и узда против возможной империалистической интервенции в нашу страну. Без такой поддержки и без такой узды мы не имели бы теперь «передышки», а без «передышки» у нас не было бы развернутой работы по строительству социализма в нашей стране[1].

Тем более удивительно то, что ровно через год иностранные рабочие составят всего лишь половину участников Конгресса друзей СССР, и их голос будет практически не слышен в его ходе. Данный факт был явным показателем «смены вех» в большевистском руководстве, Следует согласиться с американским историком Стивеном Коэном, автором нашумевшей в годы перестройки бухаринской биографии: «Скрытые разногласия, сопровождавшие поворот экономической и коминтерновской политики руководства влево в 1927 г., проявились в перестановке акцентов, нелегких компромиссах и политическом маневрировании на состоявшемся в декабре XV съезде партии»[2]. Перед исследователем стоит задача увидеть этот поворот даже в повседневных решениях и казенных мероприятиях, в устоявшемся ритме работы государственных органов и общественных структур, слитых в единый механизм «диктатуры пролетариата».

Уникальность внутриполитической ситуации в стране в год первого юбилея Октября заключалась среди прочего в том, что противники Сталина были уже повержены, но сам он еще не набрал влияния, достаточного для решающей победы. Троцкисты

---

[1] Заключительное слово Сталина по докладу о внутрипартийных вопросах ВКП(б), 7 декабря 1927 г. // Пути мировой революции. Т. 2. С. 335.

[2] *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография 1888–1938. М., 1988. С. 339.

еще вели арьергардные бои, но их шансы на возвращение на политическую авансцену стремились к нулю. Соратники и сотрудники ждали заслуженного отдыха после закончившегося периода турбулентности, уверенные в том, что союз Сталина и Бухарина окажется более стабильным политическим режимом, чем внешняя демократичность первых советских лет.

Стремительно вознесшись после поражения оппозиционеров на большевистский олимп, «любимец партии» (В. И. Ленин) на первых порах всерьез воспринял слова Сталина о том, что отныне партией будет править стабильный дуумвират, что «мы с тобой Гималаи — остальные ничтожества»[1]. Все это попахивало почти Средневековьем, но в одной из книг автору попалась смелая параллель между началом сталинского единовластия и абсолютистским правлением Людовика XIV:

> …структуры вызовов, с которыми в эти эпохи сталкивалась верховная власть, озабоченная поиском легитимности, могут быть, с известными оговорками, сопоставлены. Как и король-солнце, Сталин изначально не был носителем мощной харизмы, но обладал чувством здравого смысла и делал ставку на контроль информационных каналов. Вождю также приходилось вступать в сложные отношения с внутриэлитными группами и даже создавать нечто отдаленно похожее на двор[2].

В таком же ключе был вынужден действовать и Бухарин. Социологи еще в первой половине прошлого века сформулировали понятие «защищающее господство», которое требует от правителя не генерировать идеи самому, а, оставаясь в пассивной позиции, улавливать их и ставить себе на службу[3]. Именно так выстраивалось его отношение к идее Конгресса друзей, которая была предложена коминтерновскими деятелями второго

---

[1] Эти сталинские слова в передаче Бухарина записал Л. Б. Каменев во время их встречи 11 июля 1928 года. (Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 4. М., 2000. С. 563).

[2] *Кривопалов А. А., Вершинин А. А.* Путем великой державы: Очерки сравнительной истории стратегических культур России и США в XX веке. М., 2025. С. 188.

[3] «Великое могущество и авторитет Людовика XIV происходили из соответствия его персоны духу времени», он не был ярким новатором, но был уникальным коммуникатором (*Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002. С. 159).

эшелона на дальних подступах к юбилею Октября. Для реанимации Коминтерна необходимо было найти новое поле деятельности для компартий, которые в условиях западного «просперити» все больше опускались до роли полуподпольных сект, находившихся на содержании у Советской России.

Изменение соотношения сил в Политбюро в 1927 году отнюдь не было простым «сдвигом вправо», как считают многие ученые, имея в виду изгнание вначале из ЦК, а затем и из партии лидеров «объединенной оппозиции». На ключевые позиции в партийном аппарате приходили прагматики, люди дела, а не литературных дискуссий. Казалось, наступила эпоха умеренности и аккуратности, относительной толерантности и продуманных экспериментов. Конгресс друзей СССР стал одним из ее проявлений. Не пройдет и года, и люди, олицетворявшие эту эпоху, будут обвинены в «правом уклоне». Усилиями сталинского секретариата его лидерами были назначены Бухарин, неформальный лидер Исполкома Коминтерна, глава советского правительства Рыков и председатель ВЦСПС Томский. Уверенность в собственной популярности и мощи сосредоточенного в их руках административного ресурса сыграла с ними злую шутку. Каждый из них выступил на Конгрессе друзей, который игнорировали представители сталинской фракции. В результате набранные в его ходе очки пошли «правым» во вред, а не на пользу, хотя они всячески старались держаться в рамках «генеральной линии». Это в конечном счете и стало причиной ухода Всемирного конгресса друзей СССР в историческое небытие сразу же после его завершения.

Незаслуженное забвение

Конгресс и по сей день сохраняет свою неизведанность, и это несмотря на то, что к настоящему моменту накопилось целое море литературы как об образе межвоенного СССР у зарубежной аудитории, который формировали прежде всего очерки и путевые заметки там побывавших[1], так и о первых шагах

[1] Помимо уже названных Холландера и Дэвида-Фокса см.: *Margilies S.* The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners 1924–1937.

культурной дипломатии самого Советского государства[1]. Холодная война поощряла простые ответы на вопрос о том, были ли способны пропаганда и дипломатия Советского Союза сформировать позитивные или переломить негативные представления о себе у зарубежной аудитории. Вышедшие в этот период работы советских историков и продолжателей их традиции подчеркивали мощь «советского культурного наступления»[2], явно преувеличивая значение этой сферы для политического руководства СССР. На Западе сусальным образам большевистских «прогрессоров» противопоставлялись худые крыши потемкинских деревень.

В активе зарубежных историков и политологов той эпохи было повышенное внимание к ресурсной базе советской культурной политики и особой роли, которую играл «железный занавес» в формировании идеализированных образов того, что за ним находилось. Их отзвуки можно найти и в достаточно свежих трудах обличителей тоталитарного прошлого, настаивающих на превосходстве модели открытого общества: «В эпоху зарождающегося массового туризма было крайне необычно, что страна, большинство граждан которой жили в унизительной нищете, не останавливалась ни перед какими расходами, лишь бы иностранцы говорили и писали о ней только в восторженных тонах»[3].

Madison, 1968; *Mazuy R.* Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). Paris, 2002; *Куликова Г.Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930 гг. глазами западных интеллектуалов. М., 2013. М. Хееке насчитал более 900 работ на эту тему по межвоенному периоду только на немецком языке.

[1] Одной из первых работ по данной тематике стала вышедшая в США книга: *Barghoorn F. Ch.* The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960. Советскую культурную дипломатию много лет плодотворно изучал Александр Голубев, см.: *Голубев А.В.* «…Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х гг. М., 2004; *Голубев А.В., Невежин В.А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии. 1920-е — первая половина 1940-х гг. СПб., 2016.

[2] *Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928–1932. М., 1969; *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. СПб., 1999.

[3] *Рыклин М.К.* Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009. С. 39.

В нынешнем веке акцент сместился от механизмов «мягкой силы», которые одним из первых опробовало государство большевиков, к ее объектам, самим западным интеллектуалам. Исследователи стали делать акцент не на замыслах советского руководства, а на их восприятии «гостями», т. е. на том, какой увидели Россию «политические пилигримы» из далекого и близкого зарубежья. Здесь сохраняет свое лидерство топос «самообмана», «разрушительных иллюзий», «сияющей тьмы», вспоминается бессмертное пушкинское «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад». Общим местом подобного подхода является признание того, что метафизический образ «дивного нового мира», дошедший до нас в свидетельствах любопытных иностранцев (как позитивно, так и негативно настроенных), отражал не столько реалии строящегося социализма, сколько внутренний настрой данного типа людей, видевших в СССР то, что они хотели увидеть.

«Прибывающему в Москву „попутчику“ нельзя было остаться просто туристом, наблюдающим происходящее извне; он внутренне обязывался взвалить на себя груз свидетельства, стать, так сказать, материалистическим евангелистом»[1]. Плоды его творчества стали важным фундаментом «социалистического реализма», выдававшего желаемое за действительное не из желания кого-то обмануть, а из уверенности, что единичные примеры образцовых колхозов и фабрик, больниц и тюрем в самом скором будущем станут явлением массовым и типичным[2].

Еще в 1970-е годы сформировалось стержневое направление дискуссий как в исторической науке, так и в литературоведении, которое можно кратко сформулировать как вопрос о соотношении априорности и адекватности. Видели ли «друзья» только то, что хотели увидеть в соответствии со своими собственными представлениями о «свете с Востока», были ли они ослеплены[3] потемкинскими деревнями, которые выстроила к их

---

[1] *Рыклин М. К.* Коммунизм как религия. С. 39.

[2] *Холландер П.* Политические пилигримы. С. 16.

[3] Немецкий историк Х. Гребинг говорит о «добровольной слепоте» зарубежных визитеров (*Grebing H.* Warum so viel «freiwillige Blindheit»? // Das Scheitern diktatorischer Legitimationsmuster und die Zukunftsfähigkeit der Demokratie. Berlin, 1995. S. 35).

приезду приглашающая сторона, или их впечатления остаются важным (и до сих пор не оцененным по достоинству) источником[1], который дает нам возможность взглянуть на реалии той эпохи «снизу», зарядиться энтузиазмом тех рабочих и крестьян, врачей и красноармейцев, которые старались показать «товар лицом», искренне веря в то, что их пока еще скромные успехи станут теми «ростками социализма», которые искали в советской действительности иностранные гости?

К сожалению, поучительные уроки Конгресса оказались почти забытыми и сводятся современными российскими исследователями к нескольким малозначимым аспектам, обозначая его либо как часть борьбы против угрозы войны, либо как шанс увидеть Россию собственными глазами, которым воспользовались зарубежные левые интеллектуалы. Позитивной стороной данного подхода, которым грешат литературоведы, является введение в научный оборот огромного пласта мемуаров, которые написали гости из интеллектуальной элиты западного мира[2]. Ранее, в годы холодной войны, подчеркивалось их влияние на общественные настроения своих собственных стран: живые впечатления людей, побывавших по ту сторону «железного занавеса», становились оружием в идеологической борьбе и в конечном счете «могли бы повлиять на определенные аспекты политики Запада по отношению к СССР»[3].

Исследования последних лет доказывают, что «горизонт ожиданий» приезжавших в СССР попутчиков, и прежде всего левых интеллектуалов, отнюдь не ограничивался идеологическими стереотипами о «дивном новом мире», которые им смогли навязать радушные хозяева. Им пришлось бороться

---

[1] См., например: *Pforte D.* Russland-Reiseberichte aus den 20-er Jahren als Quelle der historischen Forschung // Kultur und Kulturrevolution in der Sowjetunion. Berlin, 1978. S. 25–33.

[2] См., например: *Легенькова Е. А.* Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элени Самиос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 110–120; *Панов С. И., Панова О. Ю.* Американские писатели на Октябрьских торжествах 1927 г. // Новый филологический вестник. 2018. № 3. С. 174–184; *Силкин А. А.* Празднование 10-летия Октябрьской революции в Москве глазами сербских левых интеллектуалов. 1927–1928 гг. // Центральноевропейские исследования: Ежегодник. М., 2025. С. 274–305.

[3] *Холландер П.* Политические пилигримы. С. 15.

с самими собой, не только преодолевая и корректируя идеализированные образы, но и тщательно выбирая, что из своих разочарований представить, а что скрыть от читающей публики[1]. Не игнорируя необходимости дать свое мнение по данному вопросу, автор настоящей работы сосредоточивает внимание на ином аспекте, имеющем прямое отношение к Конгрессу друзей и фактически синтезирующем оба тематических поля, обозначенных в начале раздела: почему «мягкая сила» советского примера так быстро выдохлась, или максимально конкретно: почему огромные ресурсы и усилия, затраченные принимающей стороной на организацию Конгресса, не дали ожидаемого результата. Вопрос о соотношении директив сверху и инициативы снизу, дисциплины и спонтанности, закрытости и свободы, наконец — один из тяжелых «русских вопросов», ответ на который все еще не найден.

Исходя из этого, автор хотел бы посмотреть на Конгресс не сверху или снизу, а изнутри, включая сюда и высшие этажи партийной власти, которая одобрила инициативу, идущую из низов коминтерновского аппарата, и целый сонм советских общественных и государственных структур, которым было поручена реализация этой идеи на практике. Читатель сможет сам составить представление о том, в каком соотношении находились стратегическая задумка и ее практическое воплощение. В последнем случае не обойтись без мнения иностранцев — участников Конгресса, внимавших тому образу Советского Союза, который представляли им радушные и строгие «хозяева», а затем в своих письмах, докладах, статьях и книгах выражавших свои впечатления об увиденном.

В ходе исследования предстоит понять, почему в общественное пространство, открытое внешнему миру, попадали практики, характерные скорее для большевистского подполья дореволюционной эпохи. Речь идет о том, что подготовка Конгресса велась в большом секрете, а авторство столь масштабного мероприятия, на первый взгляд очевидное, категорически отрицалось. «Ни Коминтерн, ни ВКП(б) не были устроителями этого

[1] *Oberloskamp E.* Fremde neue Welten. Reisen deutscher und französischer Linksintellektueller in die Sowjetunion 1917–1939. München, 2011. S. 201, 317–340.

конгресса, они воздержались от сколько-нибудь непосредственного влияния на него»[1].

Стиль книги далек от строгости академического труда, но ее структура следует логике научного исследования. Во введении перед читателем раскрывается исторический контекст второй половины 1920-х годов, сделавший проведение Конгресса друзей СССР возможным и даже необходимым. Сталин и Бухарин, в тот момент еще равноправные партнеры, освободившись от давления со стороны «объединенной оппозиции», получили широкую свободу маневра, что открывало перспективу новых зигзагов «генеральной линии». В первых главах речь пойдет о рождении самой идеи этого мероприятия, а также о бюрократической кухне Коминтерна и советских ведомств, на которой претворялось в жизнь соответствующее решение партийного руководства.

Затем внимание автора переносится на гостей, приглашенных на празднование октябрьского юбилея и неожиданно для себя ставших делегатами Конгресса. Наряду с рабочими делегациями, приезд которых лоббировал Сталин, в Москву прибыли общественные деятели, писатели, знаковые фигуры науки и искусства, которых объединяли интерес и симпатия к невиданному социальному эксперименту, развернувшемуся в Советской России. Считаясь «буржуазными попутчиками» пролетарской революции, они, по мнению Бухарина и его окружения, могли выступить в роли фактора, противодействующего планам мирового империализма по удушению СССР.

Никогда ранее такое количество иностранных «друзей» не оказывалось одновременно на российских просторах. Ритуал «советского гостеприимства» отрабатывался на ходу, гости на личном опыте переживали бюрократический хаос, бытовые неурядицы и идеологическую косность хозяев, но в то же время отмечали те ростки нового образа жизни, которые могли бы прижиться у них на родине.

День 7 ноября 1927 года, вошедший в историю и масштабной манифестацией московских рабочих, и последним публичным выступлением троцкистов, представлен в двух главах,

[1] *Крейбих К.* Делегации друзей СССР и мировой конгресс // Коммунистический Интернационал. 1927. 18 ноября. № 46. С. 13.

предваряющих центральный раздел книги, посвященный собственно Конгрессу. Автора интересовала прежде всего реакция иностранных гостей на презентацию «нового мира», которая отнюдь не обязательно следовала логике «организованного восторга». И наконец, книгу завершают главы, посвященные оценкам юбилейного мероприятия, которые были даны его участниками и организаторами, а также тому наследию, которое оно оставило в политической и культурной жизни межвоенной Европы.

Конгресс друзей СССР принял эстафетную палочку от первых форумов Коммунистического интернационала и передал ее будущим «встречам передовой всемирной общественности», которые стали визитной карточкой советской «мягкой силы». С течением времени спектр обсуждаемых тем и состав участников на московских площадках неизменно расширялись, получив новый импульс после превращения СССР в ядерную сверхдержаву и начала разрядки. Рабочим спартакиадам межвоенных лет наследовали Олимпийские игры, дважды проводившиеся в СССР — России, комсомольским слетам — международные фестивали молодежи. Автору удалось не только увидеть некоторые из них воочию, но и поработать гидом-переводчиком как на Олимпиаде-80, так и на Всемирном фестивале молодежи и студентов 1984 года[1]. Хочется верить, что бесценный личный опыт, приобретенный на этих мероприятиях, нашел свое отражение при подборе и интерпретации материала, собранного в книге. Без него ее попросту не было бы. Как не получилось бы исследование без всемерной поддержки коллег-архивистов А. С. Кочетовой (РГАСПИ) и Ф. И. Мелентьева (ГА РФ), за что его автор выражает им свою искреннюю благодарность.

И последнее замечание во вводной части. В ходе работы над книгой автору, который пытался сохранить академическую невозмутимость, не раз вспоминалась бессмертная фраза В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Надеюсь, будущему читателю придут на ум и более уместные аналогии.

---

[1] Если быть честным до конца, то автор оказался еще и участником «контрфестиваля», проведенного западными странами летом 1989 года в противовес Фестивалю молодежи и студентов в Пхеньяне. Не меньшее, чем сам Париж, удивление вызвала зеркальная противоположность форм и методов его проведения, набор тем для массовых мероприятий и т. д.